

старообрядческая повесть, подобная повести о боярыне Морозовой, возникшая также в торговой среде XVII в., но, правда, на иной речевой основе, может быть по своему бытовому реализму более или менее безоговорочно сопоставляема с «Повестью о Савве Грудцыне».

Вопрос о генезисе «Повести о Савве Грудцыне» должен быть оставлен открытым. Положен ли в ее основу подлинный исторический факт или все ее содержание — создание фантазии, только умело обставленное историческими и бытовыми данными; возникла ли она первоначально как устный анекдот или была кратко записана как «чудо», а позже получила распространенную письменную обработку, написана ли она сразу хорошо образованным книжником — все это вопросы, на которые нельзя дать положительный ответ при современном состоянии необходимых для их решения источников. Одно только можно сказать, что даже вопрос об отношении «Повести о Савве Грудцыне» к наследию древнерусской феодальной литературы оказывается значительно сложнее, чем это представлялось ее исследователям. Несмотря на близость данной повести к восточновизантийским демонологическим сказаниям о Протерии и Феофиле, к богородичной легенде и к посмертному «чуду» агиографии, возникновение ее нельзя объяснить как результат усвоения ее автором этих произведений, как результат только его начитанности. Тем более нельзя здесь говорить о непосредственном литературном заимствовании. Решающий фактор здесь — миропонимание определенной социальной группы, на котором отразилось общее воздействие византийской культуры с ее демологией и которое находило затем свое конкретное выражение в оригинальных произведениях древнерусской литературы, в быте, фольклоре. В перекрещивающемся взаимовлиянии этих конкретных форм идеологии русского купечества XVII в. и надо искать объяснение генезиса «Повести о Савве Грудцыне».

Созданная идеологом купечества XVII в. «Повесть о Савве Грудцыне» и позже, в XVIII в. и даже в XIX в., оказывается предметом чтения, главным образом, буржуазных слоев русского общества. По записям на ее списках мы видим, что ее читатели — купцы, ремесленники, зажиточное крестьянство и т. п.

«Повесть о Савве Грудцыне» — одно из ярких свидетельств социального расслоения древнерусской культуры и литературы.